

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНАТОЛИЙ МАХАВКИН

УБИЙЦА

РОМАН

Москва, 2019
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М36

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1155

Художник
И. Воронин

Махавкин А. А.

М36 Убийца: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2849-6

Наемный убийца вынужден сопровождать принцессу на ее свадьбу. Телохранитель девушки презирает наемника, наниматель скрывает истинные намерения, а сама принцесса подозревает убийцу в предательстве. И ладно бы только это! Накопленные за два десятка лет деньги похищены. Враги, идущие по следу, многочисленны и смертельно опасны. Разбойники, стоящие на пути, кровожадны, а чиновники — продажны. И еще таинственные существа, следящие за путниками с неведомой целью... Сколько же вас всех?

Остается лишь цепляться за малейшую возможность выжить и уцелеть. И добраться до цели, какой бы она ни была.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Махавкин А. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2849-6

ПРОЛОГ

Терпеть не могу Ферри по ночам. Впрочем, эта ненависть — недавнее чувство, ему не больше семи лет. И появилось оно ровно с той поры, как вцепившийся в трон местный владыка — Чампиурз Фернимарский решил сэкономить государственные средства и напрочь отказался от обычного газового освещения улиц. Прежний ровный желтый свет заменили сиянием искусственного светила. Его с наступлением сумерек выводили на небосклон десятков специально обученных чародеев.

По слухам, поддержание в рабочем состоянии искусственного светила отнимает у магов прорву энергии, истощая организм до предела. Не проходит и года, чтобы Служба солнца не притащила в Башню дня новую десятку сопротивляющихся добровольцев взамен свихнувшихся и скончавшихся предшественников. Недаром работники рта и рук вознамерились дать деру сразу же, как прознали о гениальных планах монарха. Однако Чампиурз оказался не пальцем делан и вовремя пресек готовящийся акт саботажа. Короче, беглецов определили в крохотные кельи в тюремном замке.

С тех времен тот получил название настолько точное, что не нуждалось в дальнейших пояснениях. Короче, народ назвал замок чародейской тюрьмой и тут же забыл о судьбе несчастных магов, терпеливо ожидающих возможности послужить фернимарской короне. Правда, местный университет с той поры лишился как преподавателей, так и учеников, но Чампиурза это нисколько не волновало. Монарх пребывал в убеждении, что на его век чародеев хватит.

Впрочем, мне, как и прочим простым людям, было глубоко положить на судьбу узников чародейской тюрьмы, и неприязнь к ночной столице имела другие истоки. Во-первых, иди-

отский зеленый свет ублюдочного светила, повисшего над городом, вызывал раздражение, граничащее с безумием. Сам раздувшийся шар напоминал жабу, которую накачали воздухом через вставленную в зад соломину, и тоже раздражал.

Во-вторых, проклятуший колдовской свет умудрялся проникать через самые плотные занавески, а я, как и все нормальные люди, люблю спать в темноте. Приходилось ворочаться ночь напролет, напоминая самому себе утопленника, что лежит на дне моря, подобно таким же зеленым трупам.

Третья причина касается исключительно моей работы, а она требует наступления мрака, и чем быстрее, тем лучше.

Именно по этим трем причинам я пребывал в отвратительнейшем настроении. Таким, когда хочется непременно расколотить морду первому встречному или просто надраться вусмерть. В силу того, что привлекать внимание стражи я не желал, то склонялся ко второму варианту. Да и деньги на его осуществление как раз имелись.

Большую часть я оставил на постоялом дворе, где у меня имелась специальная выемка в стене комнаты, сделанная еще лет пять назад. С собой я прихватил полтора десятка фернимарских дублонов — вполне достаточно, чтобы не вылезать из трактира целую неделю. Этого я, впрочем, делать не собирался.

Пустынные улицы столицы, залитые отвратительным зеленым сиянием небесной жабы, вызывали желание немедленно зажмуриться и передвигаться вслепую. Я бы так и сделал, благо знал маршрут, как свои пять пальцев, если бы не опасение споткнуться о кучу мусора и расшибить лоб. Этого дерьма тут хватало. Еще один результат экономной политики Чампиурза.

С тех пор как большинство глав цеха чистильщиков сели на колья, их подопечные просто разбежались. Соответственно клозеты, улицы и общественные водоемы остались неприкажанными и нечищеными. Официальной причиной противостояния объявили банальный заговор против монарха. Однако же все знали, что Чампиурз просто наложил загребущую лапу на исполинскую казну цеха. Ну а глотки протестующим заткнул самым эффективным способом.

Стены домов, окрашенные в цвета свежей и подсохшей болотной тины, нависали над узкой улочкой, а закрытые веки окон с опущенными ставнями слепо тарасились друг на друга.

Изредка на крохотном балкончике появлялась призрачная фигура в длинной рубашке и торопливо сливала содержимое ночного горшка. Завидев меня, эти призраки торопливо прятались в домах.

Чахлые деревца, прижимающиеся к стенам, лениво шелестели желтой листвой, и этот мертвенный цвет не могли бы оживить даже лучи настоящего светила. Что уж говорить об этом, зеленом. Редкие коты, еще не съеденные обитателями трущоб и расплодившимися крысами, осторожно следили за мной из-за скрюченных стволов. В любой момент они были готовы прыгнуть в сторону, чтобы спрятаться в черных крысиных дырах. Какая ирония!

Зрелище проклятушки, задавленного миазми нечистот и налоговыми сборщиками, не вызвало у меня ни единого доброго чувства. Скорее бы уже завалиться в трактир, влить в себя необходимую дозу и забыть обо всем. А главное, о себе. Черт, да где этот гадский гадюшник? Вроде бы должен быть за этим поворотом... Или за следующим? Вот же погань, давно я тут не был.

Из-за угла дома вынырнул рослый парень в рубашке, разорванной до пояса, и уставился на меня блеклыми от выпитого глазами. Икнул и медленно сполз на мостовую. Даже на таком расстоянии я ощущал вонь перегара, сшибающую с ног. Какое-то дешевое пойло, которым счастливчик налил до ушей. Отлично, знак верный — место назначения где-то рядом. Точно подтверждая мои мысли, незнакомец издал резкий гыкающий звук и принялся очищать желудок от излишков. Это его проблемы, не мои.

Миновав своеобразный указатель, я сразу же увидел приземистое серое здание. Над входом висела поблекшая вывеска, где картинка изображала шабаш чертей, вывалинных в перьях. Впрочем, название поясняло, что я видел на самом деле: «Королевский бал». Кстати, более идиотского названия для подобной забегаловки я больше нигде не встречал. И если бы у меня имелся выбор, то я пошел бы набираться в другое место. Однако выбирать не приходилось.

На ступенях, ведущих к входу, распростерся тщедушный человек в кожаной куртке и кожаных же штанах. На виске человека чернел свежий синяк, а судя по разорванному уху, нападавшие успели взять все, что хотели. На это же намекали

незагоревшие места на посиневших пальцах и босые ноги, торчащие из штанов. Кажется, тощий тип не дышал. Значит, ему не повезло.

Я толкнул дверь трактира и ввалился в помещение, наполненное смрадным тяжелым дымом. Гомон множества возбужденных голосов тут же ударил по ушам, наполняя голову звонким протяжным гулом. Большие столы в центре, как обычно, оказались заняты шумными компаниями, причем все вели себя так, словно вокруг не было никого другого. Многие из веселящихся успели устать и теперь тихо-мирно лежали на полу. Остальные определенно торопились к ним присоединиться.

Меньше всего я хотел общества шумных весельчаков. Остаться наедине с собой — вот и все. Других товарищей и собеседников я последнее время не признавал. Во всяком случае, тех, с кем разговариваешь ради удовольствия, а не по очередному мерзопакостному поводу.

Столик на одного — вот что мне было необходимо.

Порыскав глазами, я сумел отыскать нужное возле дальней стены, покрытой разводами разноцветной плесени, в самом углу. Здесь же находилось крохотное окно, куда неторопливо уползали клубы вонючего дыма. В общем, меня это местечко вполне устраивало.

Я проскользнул между двух столов, стоящих почти вплотную, едва не поскользнулся в луже разлитого вина, сдвинул ногу огромного мужика, лежащего на полу, и подошел к стойке. Над деревянной тумбой возвышался холм трактирщика, которого все звали Пузырем. Я кивнул ему, и лоснящаяся жиром физиономия тут же расплылась в довольной гримасе, напоминая лопнувший арбуз. Толстые губы плямкнули приветствие.

Проделав недолгое путешествие, я расположился на крепком дубовом табурете и вытянул под столом гудящие ноги. Тотчас рядом возник тощий мальчуган в длинном сером переднике, покрытом узором разноцветных пятен. Нечто подобное я видел на выставке художников-природников, куда меня как-то раз занесло по делу. Унылый мальчуган, тяжело хекнув, взгромоздил на стол деревянную доску, и я узрел на ней отблески рая.

Итак, глиняная бутылка, от которой шел знакомый аромат хреновухи, деревянная миска с коричневой массой, распро-

страняющей запах чеснока, и кусок окорока в печеном картофеле. Дополнял картину надколотый стакан, почти чистый, надо сказать. Рай для гурманов, как я и говорил. Часть напитка тут же переместилась в стакан, а оттуда в мой рот.

Глотку обожгло, точно я хлебнул дубильной кислоты, а чуть позже в желудок словно упал тяжелый булыжник. Камень заворочался, пустил длинные раскаленные иглы. Хорошо! Наконец-то мои мечтания исполнились. Две недели под проливным дождем, кутаясь в промокший плащ, лежа в холодной грязи рядом с выгребной ямой, я мечтал об этом моменте.

Ну ладно, еще разок — и можно приступать к чесночной похлебке. Повара у Пузыря готовят вполне прилично. Ну, по крайней мере можно не опасаться, что тебе придется выскакивать наружу и нестись к ближайшему переулку, а там путаться в ремнях, пытаясь стянуть штаны. Бывало всякое.

Я опрокинул второй стакан и, ощущая, как легкий туман заволакивает глаза, погрузил ложку в миску с похлебкой.

— Т-ты — грязное х-хамло! А х-хаму не приличествует сидеть на заднице рядом с б-благородными бл... людьми.

Я влил в рот ложку похлебки и лишь после этого медленно, очень медленно, стараясь делать это как можно спокойнее, поднял взгляд. Передо мной стоял совсем зеленый юнец, на верхней губе которого только начали пробиваться жидкие усики. Волосы паренька спутались, бледное лицо покрывали багровые пятна, а глаза горели пьяным упрямством похотливого кабана.

— Т-твое, хам, присутствие ос-скорбительно б-благородному человеку, и ес-сли ты нем-медленно не пок-кинешь это место, я теб-бя выш-швырну!

Прежде молодой урод, очевидно, сидел за соседним столиком, где сейчас пьяно хихикали две потасканные девицы, по виду — шлюхи. И этот придурок явно выделялся перед ними. Стало понятно, почему это место оставалось незанятым.

Я осмотрел «храбреца». Ну, молод, это я уже понял. Если судить по одежде, пусть измятой и нечистой, все равно видно, что паренек далеко не беден. На поясе болтается меч в богатых кожаных ножнах, что простолюдинам категорически запрещено. На плаще, повисшем через правое плечо, какой-то герб. Стало быть, отпрыск местного графа или барона. ПЕРВЫЙ

сын. Золотая молодежь, мать бы ее. Пусть бы рисовался, но не за мой же счет!

Мне показалось или действительно бражники за ближайшими столами поутихли, с интересом глядя в нашу сторону? Еще бы, такое развлечение: благородный дворянин начистит рожу немытой скотине. Знаю, что при своем невысоком росте я выгляжу отличной мишенью для дурацких острот и попыток почесать кулаки. Посему многие пьяные уроды частенько лезут ко мне в поиске развлечений.

— Ты что, х-хамло, не слышишь, к-как к тебе об-бращаются?

В тягучем, словно патока, воздухе я протянул руку и налил почти полный стакан. Однако выпить мне не дали. Оскалившийся урод взмахнул золоченым стеклом, и моя посуда разлетелась вдребезги. Я уставился на блестящие осколки, ощущая, как внутри пробудилась ярость, и начал подниматься. Теперь исчезли последние сомнения в том, что моя скромная персона превратилась в центр внимания посетителей трактира из тех, кто еще был способен что-то видеть и понимать. Черт!

За спиной покачивающегося дворянчика возник Пузырь, ставший по крайней мере на полголовы ниже. Трактирщик принялся шептать в ухо рассвирепевшему недоноску. Однако тот плюнул на пол и отпихнул толстяка, едва не сшибив с ног. Инцидент уладить не получилось, и Пузырь с напряженной улыбкой попятился назад. Его огромные руки елозили по пузу, точно делали странный массаж.

— Ах ты, уродская морда! — выкрикнул мальчишка и театральным жестом положил ладонь на рукоять меча. — Убирайся отсюда, покуда я не обстриг твои ослиные уши!

Девушки громко захохотали, так что их потасканные прелести едва не вывалились наружу. Черт, мне не стоило связываться. Хрен с ним, этим ублюдком, пусть торжествует победу над ничтожным хамом. Сцепив зубы, я достал дублон и швырнул на стол. А я так мечтал просто посидеть в спокойствии, когда ледяные струи дождя хлестали по спине.

Не глядя по сторонам, я направился к выходу. За спиной послышался сердитый возглас и какой-то шум. Однако я не стал оглядываться. Ничего, ночь длинная, и я еще успею принять свою дозу в «Длиннорогом олене», пусть до него топать и топать.

Щуплого покойника уже не было. То ли воскрес и удрал, то ли просто убрали труп в сторону. Крепко выругавшись, я сделал несколько шагов и вдруг услышал, как за спиной хлопнула дверь трактира.

— Хам! Стой, ублюдок! Я т-тебе п-покажу, как игинор... иг-рор... как не обращать внимания на благородного господина. С-сукин сын, сейчас ты получишь урок х-хороших манер!

Я торопливо свернул в ближайший переулок и обнаружил перед собой широкий канал, источающий одуряющий смрад нечистот. Угораздило же выйти к сливу в городскую клоаку! Причем канал не был чищен эдак с месяц-другой. И перепрыгнуть его я определенно не смогу. Вернуться? Поздно.

— Хам, ты пытался уйти от з-заслуженного наказания? С-сукин кот, я выпущу к-кишки из твоего гнилого б-брюха!

Парня шатнуло, и он ухватился за черную от копоты стену ближайшего здания. Потом выпрямился и с пьяным недоумением уставился на грязную перчатку. Я торопливо размышлял, как поступить. Перспектива купания в жидком дерьме совсем не улыбалась. Попытаться отпихнуть молокососа и прошмыгнуть мимо? Урод вроде бы нетвердо стоит на ногах, и достаточно легкого тычка...

Нет, я привык не доверять первому впечатлению. Кроме того, благородных засранцев неплохо обучают фехтованию, так что и в пьяном состоянии они способны на многое. Ловкость, с которой сопляк выдернул свой клинок из ножен, лишь убедила меня в этом.

— Но, если ты, х-хамская рожа, вылижешь мне с-сапоги, я п-подумаю над тем, чтобы ос-оставить тебя в ж-живых.

После этого гад мерзко ухмыльнулся и добавил еще пару требований, по исполнению которых я мог бы отправляться на все четыре стороны. Насколько я знал, кое-что из перечисленного брезговали делать даже портовые шлюхи. Выхода не оставалось. Будь что будет.

Я поднял правую руку и дернул указательным пальцем за кожаное колечко, выглядевшее как украшение манжета куртки. Самострел, спрятанный в рукаве, тихо щелкнул. Я не промахнулся, я просто не мог промахнуться на таком расстоянии, и крохотный дротик пробил глотку молодому нахалу. Нужно будет обязательно достать заряд, чтобы ничто не указывало на меня.

Молокосос медленно опустился на колени и выпустил оружие, схватившись за горло. Меч зазвенел на камнях мостовой, и это оказалось единственным звуком, кроме глухого сипа умирающего. Кровь из пробитой шеи хлестала на грязные, когда-то белые манжеты и жабо, изменяя их цвет на более выразительный.

Теперь не стоило медлить ни мгновения. Не дожидаясь, пока парень окончательно отдаст концы, я схватил его за длинные волосы и поволок в сторону зловонного канала. Скоро дворянчик все равно сдохнет, так какая разница, где? Сопляк заклекотал, и я бросил его тело в густую жидкость. Последний раз мелькнуло бледное лицо, искаженное в агонии, и тяжелые волны сомкнулись. Следом за владельцем отправился и меч.

После этого я вытер пот и высказал все, что думаю о произошедшем.

Высказываться пришлось долго и горячо.

Изощренно.

1

А как утро настало,
А как солнышко встало,
Как на ката секире оно заиграло,
А как утро настало,
А как сердце упало,
Как стучать у убийцы оно перестало.

Казнь убийцы

Похмелье добрым не бывает, как не бывает добрым и похмельное утро. Но не настолько же, как в этот раз! В мешанину тяжелых пьяных сновидений внезапно ворвались две жестокие руки, которые самым грубым образом выдрали меня наружу. Попутно в голове взорвалось несколько огненных шутих, из тех, что пользуют магики на праздниках.

Так что когда я более-менее пришел в себя, перед глазами стояла сплошная зеленая муть. Должно быть, пересмотрел на проклятущее колдовское солнце. Во рту перекачивался мерзкий вкус, словно я нахлебался дерьма из фернимарских канав. Раскаты грома в ушах, разрывающие череп на куски, постепенно начинали напоминать человеческий голос. Ну если это грубое мычание можно так назвать.

— Мать твою так! Поднимайся, стервоза! — Перед глазами появился блестящий кругляк. Вроде бы с какой-то эмблемой. В таком состоянии трудно понять. — Королевская служба, говнюк! Поднимайся!

Физиономия королевского служащего больше подошла бы гопнику из подворотни или лесному братку, поджидающему гостей за деревом с дубиной в руках. За спиной мордovorота маячило еще двое таких же, похожих друг на друга как две капли воды.

М-да, воды бы...

Различить гостей можно было лишь по шрамам. У одного уродливый зигзаг проходил по левой щеке, у другого — по правой. В руках головорезы держали короткие металлические

шестоперы. Как подсказала больная память, такими обычно пользуются шпики секретной службы Фернимара.

Меня выдернули из кровати и хорошенько встряхнули, так что в глазах потемнело. Когда свет вернулся, я сообразил, что нахожусь в своей комнате. Стало быть, вчера все-таки сумел вернуться на постоянный двор и даже лег на кровать.

— Вот курва! — с некоторым восхищением сказал тип со шрамом на правой щеке. — Ни хрена нарезался вчера, морда замулена!

— Ташшить его, да и дело с концом, — буркнул второй шрамоносец и шмыгнул перебитым носом. — Собака скажён-ная!

Внезапно в башке точно вспыхнул ослепительный свет, и я вспомнил события прошедшей ночи. Смрадный канал с нечистотами и физия молодого дворянчика, исчезающего в глубинах жидкого дерьма. Что я там вчера подумал? Первый сын какого-то графа? Мать моя... Мне хана!

— Ты сумеешь, кто я? — Гопник с жетоном королевского служащего еще раз встряхнул меня, до лязга зубов. — Стервоза! Поднимайся, говнюк! Пошли.

Он вновь потянул меня, и в этот раз я не стал сопротивляться. Напротив, помог, направив голову вперед, и засадил мучителю лбом в подбородок. Естественно, стало худо, но кое-кому — намного хуже. Королевский головорез хрюкнул и сверзился на пол. Жетон выпал из его пальцев и со звоном укатился под кровать. Напарники здоровяка переглянулись

— Што за фигня? — сказал один, сведя косматые брови.

— Шутковать вздумал, — ухмыльнулся второй, скаля редкие зубы. — Ща получит.

И оба одновременно бросились ко мне, поднимая шестоперы для удара. Почти не целясь, я дернул за петлю самостре-ла. Раз, другой. Первый дротик угодил в бедро нападавшего, а второй вообще не вылетел. Я с некоторым запозданием сооб-разил, что просто забыл перезарядить оружие после ночных приключений. Сам виноват.

Раненый головорез навалился на меня, утробно завывая, словно у него приключилось несварение желудка. Я отбросил его пинком по раненой конечности и тотчас получил скользя-щий удар дубиной от второго. Черт, рука тут же повисла как плеть. Громила ухмыльнулся и ткнул ребристым шишаком в

живот, вышибив оттуда воздух и часть вчерашнего пойла. Перед глазами все плыло, и жутко болела ушибленная рука.

— Курва! — Раненый вцепился в ногу и потянул вниз. — Я ж тебя загрызу, сукин кот!

Я еще раз пнул его по ноге, постаравшись попасть в торчащий из штанины конец дротика. Получил новый удар по той же руке. Лучше от этого, естественно, не стало. Черт, где мой меч? Под кроватью? Неловко увернувшись от удара, я рухнул на что-то мягкое, хрипящее от боли, и полез здоровой рукой под кровать. Нашел укатившийся жетон и запустил им в громилу, лупящего меня дубиной. Тот отбил железяку и ударил меня по лодыжке, едва не переломив кость.

Меча под кроватью не оказалось. Просто замечательно!

Шипя ругательства, я ухватил ногу шпика и резко дернул. Враг хрюкнул и шлепнулся на спину. Пришло время для удара по роже. Зубы долой!

Припадая на пострадавшую ногу, я заковылял к двери комнаты и услышал грозный рев из коридора. Так могло бы рычать чудовище из Чернолесья.

— Я сказал взять его живым! — рычало чудовище. — Но я же, мать вашу, не сказал, что он должен быть в сознании!

Двери распахнулись, и в лицо мне уставился наконечник стрелы, торчащей из блестящего самострела. Кто именно держал оружие, я не видел, потому что необычно толстый наконечник стрелы заслонял мне все. Я, черт меня дери, вообще ни хрена не видел, кроме этой проклятой стрелы, почти воткнувшейся в переносицу.

А потом тихо щелкнуло, и мир пропал совсем.

Но меня не убили.

И даже не искалечили, хоть и хотели. На это намекали синяки непонятного происхождения, которые я обнаружил на теле немного позже. Такие можно получить, если кто-то весьма недобрый бьет лежащего ногами по ребрам. В общем, я бы пожаловался на свое состояние, если бы кто-то согласился выслушать

Когда спустя пару суток, наполненных очень неприятным ожиданием, меня впахнули в кабинет главы Фернимарской секретной службы, я еще хромал, а левая рука, пострадавшая от удара шестопером, слушалась хозяина через раз. Впрочем, чтобы раненая конечность меня не сильно беспокоила, ее ско-

вали со здоровой, так что руками я не мог пользоваться совсем.

Сопровождал меня здоровенный парень, очень напоминающий снежных обезьян из предгорий Фирта. Ну, тех, что просто обожают насиловать ишаков и потерявшихся детей. Меня крепко держали волосатыми пальцами за шею и периодически грозно рычали в ухо. Крепкая хватка не позволяла сомневаться: стоит дернуться, и я тут же услышу хруст собственных позвонков.

Кабинет начальника шпииков выглядел достаточно комфортабельным. Если не обращать внимание на подозрительные пятна, покрывающие деревянный пол, то комнату можно было принять за приемную какого-нибудь министра. Ну, так, как я ее себе представляю. Большое окно, закрытое плотной черной шторой, массивный стол с подставкой для бумаг, высокий шкаф красного дерева под цвет стен и пара кресел, обтянутых тонкой черной кожей.

Меня, впрочем, посадили в другое, и как бы не совсем кресло — крепкий деревянный стул с подголовником. Зато у него имелось много интересных приспособлений для удобства сидящего: ремни на подлокотниках, на подголовнике и у ног. Насколько я успел заметить, на стуле были темные пятна того же происхождения, что и грязь на полу.

Не успел я прийти в себя от грубой посадки, как ремешки затянулись, так что я превратился в неподвижного истукана, глядящего перед собой. Кто именно обеспечил мне комфорт, я не видел, только мелькали чьи-то руки, и очередная конечность оказывалась плотно прижатой к дереву.

Поскольку поворачивать голову я уже не мог, оставалось глядеть только вперед, а стало быть, напрямик на начальника Фернимарской секретной службы. Ну а кто еще мог бы сидеть за его столом, лениво перебирать какие-то бумаги, начиная от громадных простыней, сложенных несколько раз, и заканчивая жалкими грязными огрызками, напоминающими мусор. Маленький толстый человечек с физиономией обиженного ребенка постоянно шмыгал розовым носиком и нервно барабанил пухлыми пальцами. Одет толстяк был в темно-синий жилет и белую рубашку. Ниже я просто не видел.

Подняв на меня красные глаза, начальник шпииков достал из кармана жилета стекла без оправы и водрузил на свой кро-

шечный нос. Очевидно, желал убедиться, что перед ним находится именно тот, кого он хотел видеть. Убедился. Убрал те бумаги, что просматривал прежде, и достал другие, много меньше по количеству. Вытащил первую бумажку, прочитал ее и тяжело вздохнул. После этого снял очки, положил на стол и откинулся на спинку кресла.

— Так вот, — сказал человечек хриплым голосом, который больше подходил актеру, играющему роли героев-любовников, — первым делом я хотел бы представиться. Меня зовут Кору Нарим, и я заместитель начальника Фернимарской секретной службы. Поскольку сам начальник находится в долгосрочном отпуске по причине тяжкого недуга, мне приходится исполнять его обязанности. Соответственно, я обладаю всеми его полномочиями. Не слишком сложно?

Он явно собирался сказать что-то еще, но не успел. Главное, когда ты сидишь по уши в дерьме, попытаться взять инициативу в собственные руки, пока тебя не утопили полностью. Ну а в том, что это произойдет очень скоро, я не сомневался. Запах, знаете ли...

— А я первым делом хотел бы заявить резкий и категорический протест.

Кору Нарим сложил руки на животе и терпеливо слушал. На его круглой физиономии читалось сочувствие. Как ни странно, искреннее.

— Я купец почтенной Чардарской торговой гильдии и решительно не понимаю, по какой причине ваши головорезы схватили меня и без объяснений запихнули в темницу, полную убийц, воров и прочих жуликов! Меня! Кристально чистого человека!

Заместитель начальника секретной службы кивал после каждого слова, точно соглашался со всем произнесенным, а после положил на стол бумажку, просмотренную раньше. Нацепил очки и провел пальцем. Потом посмотрел на меня поверх стекляшек.

— Трое моих головорезов, решивших арестовать кристально чистого купца Чардарской торговой гильдии... Кстати, переставшей существовать год назад, но это так, к слову... — Я молча проклял свою забывчивость. — Так вот, эти злодеи и головорезы угодили в лазарет. Двое с сотрясением черепушки, а третий — с тяжелым ранением бедра. — Нарим тяжело вздох-

нул и щелчком пальца отшвырнул листок на середину стола. — К моему огромному сожалению, по фернимарским законам нападение на государственного служащего во время исполнения тем служебных обязанностей карается либо каторгой, либо смертной казнью. В зависимости от тяжести нанесенных служащему ранений. — Кору Нарим поморщил нос и доверительно сказал: — Как по мне, в данном случае можно было бы обойтись каторгой. Все мы люди, в конце концов.

На стол легла еще одна бумажка. Нарим протер очки крохотной грязной тряпицей и шмыгнул носом. Судя по всему, ему было ужасно жаль человека, сидящего перед ним. Меня, то есть.

— Можно было бы, но... Два дня назад пропал первый сын барона Хаммерштанцеля, второго секретаря его величества Чампиурза Фернимарского, короля нашего. Не нужно объяснять, что всех моих людей поставили раком и заставили искать молодого ду... Сына, стало быть. Так вот, пара шл... Почтенные дамы, с которыми пропавший частенько общался, дали показания, как несчастного заманил в переулок некий неизвестный, и даже сумели описать внешность этого самого неизвестного злоумышленника. — Кору взял в руки лист и старательно пересказал все мои приметы. Говнюк даже в лист не заглядывал, а жмурил глазки, словно кот, обожравшийся ворованной сметаны. Закончив декламацию сочным описанием шрама, пересекающего подбородок, толстяк перевел взгляд на меня, и его глаза расширились в притворном удивлении. — Пятнадцать спутников! Так вы же как две капли воды с этим злодеем! Ужасно походить на убийцу любимого дитяти, над смертью которого безутешно рыдает барон Хаммерштанцель.

Я молчал. А что мне еще оставалось делать? Маленькому человечку определенно что-то было нужно от меня, иначе с какого перепугу он решил устроить этот дурацкий спектакль? Сколько сделок уже я совершал за свою жизнь, как будет выглядеть очередная? Обычно соглашения подобного рода я выполнял крайне неохотно. А как иначе, когда вокруг сплошные ублюдки и негодяи? Поневоле станешь одним из них. Ну, или сдохнешь, как вариант.

— Так вот... — Кору потер свои крохотные ручки. — Мы отыскивали искомого преступника и закончили розыск. Достаточно про поиски. — За моей спиной тихо гыгыкнули. Ага,

шутник, мля. — Тело пропавшего сыночка нашли, отмыли от дерьма и даже определили, что рана в горле весьма напоминает дырку в ноге моего агента. Ну, ту, что он получил от купца, чьи приметы по чистой случайности сходятся... Ладно, достаточно. Дальше забавно. Помещенный в камеру означенный купец продемонстрировал навыки, которые свидетельствуют о его связях с преступным миром, — толстячок сдвинул очки на кончик носа и взглянул поверх стекла. — Лично я был убежден, что с парашей ты справишься. И оказался прав.

Я только ухмыльнулся, вспоминая жуткое приспособление, предназначенное для справления нужд различных величин. Прежде чем научиться нормально использовать парашу, новички неоднократно обливают себя нечистотами, за что их лупят старожилы. Какое-никакое, но развлечение для сидельцев, а для тюремщиков — лишняя возможность сломать моральный дух заключенного. К счастью, я уже давно получил подробную информацию об использовании этого неустойчивого короба и не сплеховал.

Ладно, слушаем дальше.

— Так вот, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами мы тщательно изучили имущество задержанного. — Еще одна ложь. Скорее всего, мое барахло они перерыли сразу после ареста. — И обнаружили потрясающие вещи... Он не вырвется? — Последний вопрос адресовался тем, кто тяжело дышал мне в затылок. — Хорошо, тогда несите весь этот мусор.

Должно быть, этого приказа ожидали, потому что тотчас некто огромный и невероятно широкоплечий заслонил мне весь белый свет (которого, надо сказать, и так было не очень-то много) и водрузил на стол Кору Нарима продолговатый деревянный сундук. После этого гигант ретировался за мою спину с проворством, неожиданным для эдакого великана. Я успел заметить лишь сплюснутый нос да пару небольших гляделок.

Заместитель с видимым усилием открыл крышку сундука и, привстав, с детским любопытством заглянул внутрь. Круглая физиономия расплылась в счастливой улыбке пацана, обнаружившего, где родители хранят варенье. Потом Кору запустил руку в ящик и достал меч в потрепанных кожаных ножнах, обернутых ремнями перевязи. Когда-то рукоять клинка и ножны покрасили в черный цвет, но с тех пор миновало нема-

ло лет, и краска успела вылинять до темно-серой. Для дела это не имело никакого значения.

— Это не мое, — сразу же заявил я, приняв правила игры, навязанные мне маленьким человечком. Как мне думалось, этот толстячок обладал немалой властью в Фернимаре, а может, и за его пределами. — Подкинули. Сразу же заявляю протест и требую наказать виновных в наглой провокации.

— Накажем, — Нарим широко ухмыльнулся, а за моей спиной послышался дружный хохот. — Обещаю. Итак, что мы имеем? Так называемый меч ассасина. Лезвие оружия ковано по специальной технологии и окрашено при изготовлении в несмыываемый черный цвет. Как мне кажется, меч выкован кузнецами Чернолесья, — он не ошибался: клинок ковали обитатели Холмогорья, — так что обладает беспримечной гибкостью и прочностью. Очень дорогая игрушка, — он поднял голову. — Если бы вы, олухи, не пропивали деньги, а копили их, то вам потребовалось бы года два, чтобы купить эдакую штуку. Дальше. Рукоять разборная. — Кору тут же продемонстрировал сказанное и достал спрятанный в ручке кинжал. Потом запустил палец в опустевшую рукоять и с некоторым напряжением вытащил что-то, завернутое в тонкую кожу. Открыл сверток, посмотрел. — Угу, иголки. Зеленоватый цвет говорит о том, что они смазаны ядом, именуемым «змеиная дрожь». Вызывает паралич с последующей смертью. Прелестно! — Кору казался почти счастливым, когда собрал рукоять и отложил оружие в сторону. Потом поднял и осмотрел ножны. — Предназначены для ношения за спиной. Имеют специальный канал, при помощи которого опытный человек способен выдуть иглу с ядом на расстояние пятнадцать—двадцать шагов. Ну, с этим пока все.

Честно говоря, он меня удивил. Далеко не каждый человек, даже моей профессии, способен описать оружие, не упустив ни единой мелочи. И это пугало.

В руках Нарима появилась странная штука, отдаленно напоминающая уродливый самострел. Причем настолько отдаленно, что некоторые не сразу понимали, какую фигню направляют в их сторону. Ну, пока не падали замертво.

Нарим с видом знатока (а таковым он точно являлся) перевел рычаг в нижнее положение, и послышался тихий стон взведенных пружин. Человечек с видимым усилием провернул

винт возле приклада. Лязгнуло, Кору отпустил винт и выставил прицел, после чего направил оружие мне в лоб. Проклятый гад, мать бы твою так! У этой штуки спуск настолько легкий, что достаточно небольшого нажима, чтобы я отправился в мир иной, а стрелы тут совсем не такие, как та, что вырубил меня при задержании. Да и пружина будет помощнее. С помощью этого оружия мне удалось прикончить конюшего какого-то там графа, не помню имени, за сто пятьдесят шагов. Придурок пошел облегчиться и даже не пикнул, когда шлепнулся в выгребную яму. На кой кому-то потребовалась смерть несчастного дебила — не знаю и знать не хочу.

Кору оскалился и отвел самострел немного в сторону.

— Мальчики, осторожнее, — сказал он, и «мальчики» за моей спиной начали двигаться, создавая ощущение, будто шагают горы.

Самострел начал шелкать. Раз, другой, третий... Всего восемь раз, после чего потребуется опять крутить винт. Нарим опустил оружие и присвистнул. К сожалению, я не мог оценить результатов стрельбы. Попросить, чтобы освободили? Нет, наверное, не разрешат.

— Зашибенная стрелянина, начальник, — прогудел один из «мальчиков». — Чтоб мне сдохнуть, коли не так.

— Отличное оружие, — Кору с видимым сожалением отложил самострел, напоследок погладив цевьё. — Ручная работа. Это не то барахло, которым нас снабжают королевские, мать их, оружейники. Вот привести бы сюда одного из этих кретин-нов и показать, как надо.

— Базаров нема, — с присвистом прохрипел еще один «мальчуган», — Не будь моя старуха прожженной шалавой, если не так. Той поганью, что дали железячники, можно только шлюх пугать.

— Ладно. — Кору поморщился. — Как обычно, ваши замечания отличаются излишней категоричностью. Что тут на очереди?

«На очереди» оказался небольшой кошель. Достаточно тяжелый даже на вид. Нарим развязал кожаную тесьму, открыл кошелек и внимательно изучил предметы, уложенные в отдельные карманчики. Потом вопросительно посмотрел на меня и кивнул — объясняй, мол. Как я понимаю, объяснять, что

и эту штуку подкинули, не имело смысла. Поэтому я откашлялся и сказал самым что ни на есть доверительным тоном:

— Это деньги. Мне как купцу приходится торговать и с дальними странами. В том числе и на востоке. Вы, вероятно, слышали про жаркую Иранию? Именно там в ходу подобные монеты.

— Дикари, — с видимым осуждением покачал головой Кору Нарим. Его физиономия отражала удивление нравами далекой Ирании. — Это же надо, изготавливать монеты не из золота, серебра или хотя бы меди, а из кованой стали! Да еще и придавать им такую форму. Как же называются деньги экзотической Ирании? В памяти что-то такое... Так вот... — Кору откинулся на спинку кресла и достал из кошелька два небольших предмета в форме звезды. Только один с прямыми лучами, а второй — с закрученными. — Вот эта, если не ошибаюсь, называется шогин, а вот эта — шоген. Ну а вообще монетки зовутся шоганами, что в переводе с арамейского, а не иранийского, означает «летающая звезда».

Толстячок дернул рукой, в которой держал шоганы, и звездочки исчезли из его ладони. Как я понимаю, они материализовались в стене за моей спиной. Ловкость, с которой человек использовал звездочки, свидетельствовала о хорошем навыке и опыте. Кажется, я начал догадываться, кем был Кору до того, как занял свое место.

— Кошмарные монеты далекой страны Ирания, — Нарим покачал головой. — Мальчики, смотрите и мотайте на ваши еще не выросшие усы. Ну, если хотите, чтобы они выросли вообще. Когда перед вами стоит вот такой купец и сжимает в руке нечто маленькое, лучше прячьтесь или стреляйте на поражение. Ибо, если он дернет рукой, вам хана. Усекли?

— Уразумели, начальник, — вразнобой прогудели «мальчики».

— Ну и славно. Пойдем дальше. Шелковый шнурок с кольцами на концах и прилегающей к нему деревянной палочкой. Должно быть, украшение, которое повязывается на шею. Нет, не себе, а лучшему другу. Угу, угу, какие-то баночки, вероятно, приправы. Ух ты, а такого даже у меня нет. Цирилема авитте — пустолистник пятнистый. Ложки достаточно, чтобы целый полк сначала просрался, а потом издох. Ого, как плотно запечатано. Надо будет немного отсыпать. Вы же не против?

Ах, о чем это я... Это же не ваше, вам подбросили. Ладно, что же еще интересного подбросили купцу Чардарской гильдии? Набор кинжалов. А вот ножички подкачали, подкачали, хоть и новые. Сталь хреновая.

И вновь он оказался прав. Хороший набор, выкованный карликами Холмогорья, я утопил при переправе через Соринку. Меня тогда едва не пристрелили из длинного лука ловчие местного князька. Типа в отместку за то, что я удавил папашу дворянчика. А ведь как гад торговался, заказывая отца, как последний торгаш на рынке! Ножи, честно говоря, было жалко, но искать что-либо на дне быстрой Соринки — напрасное дело.

— Плащ с меховой подкладкой, водонепроницаемый. — Кору бросил одежду на стол и с ловкостью опытного карманника пробежался пальцами по карманам. — Пусто, пусто, черт возьми! Все уже украдено до нас. Вот же мерзавцы, ничего нельзя оставить без присмотра. Ну и ладно. Что там еще? Трубка для подводного плавания, при помощи которой можно также погрузиться в выгребную яму.

Что чаще и приходилось делать. Воспоминания о подобных моментах не принадлежали к числу любимых, однако часто просто не имелось другого выхода.

Кору последний раз заглянул в сундук, поморщился и хлопнул крышку. Напоследок он вынул цилиндрический сверток, обмотанный куском плотной ткани. Под материей оказалась вошенная бумага, а уж в ней — рулон карт и металлическая трубка с колпачками на обоих концах. Трубка имела специальный крепеж посередине, и я на мгновение задумался, угадает ли толстячок, для чего фиксатор предназначен. Лично я бы поставил на Кору.

— Оптическая трубка, — Нарим снял оба колпачка и посмотрел на меня, затем убрал трубку от лица и щелкнул фиксатором. — Ты гляди, мастер поработал! А ведь прежде приходилось самому изворачиваться. Точность, надо сказать, получалась так себе... Где это научились клепать прицелы на самострел? В Чардарской гильдии или далекой Ирании?

— В Фернимаре, — с неприкрытым злорадством сказал я, пытаясь высвободить шею, чтобы ремень не так сильно давил на кадык. — В королевских оружейных мастерских. Специальный заказ, — ухмыльнулся я, — для особой бригады ловчих.

— Это для тех, что охотятся на убийц? — уточнил Кору. Взгляд его, устремленный за мое плечо, внезапно обрел такую тяжесть, что им можно было бы двигать камни. — Мы проверим сведения нашего добровольного информатора, и, если они подтвердятся, я лично приготовлю колья, на которые сядут некоторые предприимчивые задницы.

После этих слов на какое-то время наступила абсолютная тишина. Даже не имея возможности обернуться, я представлял, как натужно сопящие «мальчики» меняются в лице. Думаю, что Кору, невзирая на шуточки-прибауточки и невинное личико, был человеком достаточно жутковатым. Иначе что бы он делал в кресле, откуда мог управлять оравой бандитов, приведенных в верность королевским штандартам? Да и сам он в свое время, предполагаю, был неплохим убийцей. Неплохим, потому как до сих пор оставался жив.

Точно пытаясь разбавить гнетущую тишину, Нарим потянулся, хрустнув суставами, и сочно зевнул. Я бы тоже с удовольствием повторил его фокус. Но кое-что мешало.

Отзевавшись, Кору подвигал головой, разминая шею, и вдруг махнул рукой, точно отсылал своих помощников. Или... действительно отсылал? Очевидно, для них это оказалось такой же неожиданностью, как и для меня, потому как «мальчуганы» продолжали топтаться на месте.

— Ну вот что я делаю не так? — сокрушенно поинтересовался Нарим у столешницы и посмотрел на меня. — Ну вот зачем каждый жест, понятный и младенцу, сопровождать подробными указаниями?

— Начальник, — прогундосили за спиной, — он же гад, мать его, мало ли че?

Кору, поджав губы, рассматривал кольцо на пальце.

— Начальник, — окончательно стушевавшись, пробормотал второй, — ну вот непонятка какая, и че?

— Мальчики, — очень ласково сказал Нарим, и его пальцы сжались, как будто он хотел кого-то задушить. — Если я что-то говорю делать — делайте, а не лупайте своими глазенками. И если я приказываю выпрыгнуть из окна, то вы прыгаете, а уже в полете можете размышлять, на хрена я вам это сказал сделать. Вон отсюда. Вернетесь, когда позову.

Судя по топоту, головорезы покидали кабинет начальника в такой спешке, словно их преследовал сам нечистый. Громко

хлопнула дверь, и я остался один на один с маленьким человечком, который тщательно протирал стекла своих очков. Потом Кору встал и, насвистывая мотивчик, очень напоминающий «Распутную Сибил», подошел ближе.

Честно говоря, я ожидал чего угодно: удара в лицо, пинка между ног и даже укуса за ухо. Люди такие затейники! Однако того, что произошло, никак не ожидал.

Продолжая насвистывать, Нарим принялся поочередно отстегивать ремни, которыми меня обездвжили. Полностью освободив меня, человечек невозмутимо вернулся на свое место и, перебирая бумаги, начал рассказывать. Причем говорил, словно мать, укладывающая ребенка спать:

— Фернимарская секретная служба была создана пятьдесят шесть лет назад прадедом нынешнего короля. На тот момент служба была основным инструментом в борьбе с Гуннландом, начавшим набирать силу после распада Четвертой империи и угрожавшим интересам Фернимара. Чуть позже в перечень задач службы помимо ловли гуннландских шпионов включили наблюдение за неблагонадежными гражданами Фернимара.

Кору бросил на меня быстрый взгляд и принялся загибать пальцы.

— К таковым относились убийцы-ассасины, террористы разных мастей и колдуны-ренегаты. После поражения Четвертой империи и распада ее на отдельные небольшие государства надобность в ловле шпионов отпала, посему служба сосредоточилась на прочих негодях.

Кору потер нос и щелкнул пальцем по листу бумаги, сбив его на пол.

— Надо сказать, что качество работы службы в те времена заставляло желать лучшего. Много лучшего. Скажем, если бы ренегаты не перебили друг друга под Громовицей, никто и не узнал бы о заговоре против королевской династии. К счастью, все разрешилось само собой и так быстро, что тогдашний руководитель секретной службы едва успел приписать себе все заслуги по раскрытию заговора.

Откровения Кору меня, честно говоря, интересовали весьма слабо. Больше волновало другое: на кой хрен он все это мне рассказывает? Возможно, чтобы перейти к чему-то важному? Скажем, к работе, которую хочет предложить? Я уже успел за-

метить, что в штате у Нарима состоят по большей части бывшие преступники. Рыбак рыбака...

Я поднялся со стула, ощущая покалывание в конечностях, неторопливо растер побелевшие запястья и присел в низкое кожаное кресло, стоящее слева от стола хозяина комнаты. Теперь рукоять моего меча, небрежно отложенного Кору, находилась совсем рядом. Достаточно поднять руку и... Нарим покосился на меня, но ничего не сказал и не сделал. Возможно, доверял, что вряд ли, а может быть, считал себя достаточно ловким и умелым, чтобы справиться с гостем. Есть и третий вариант: вырваться из здания, набитого вооруженными головорезами, я едва ли сумел бы, даже используя все подручные средства, поэтому Кору испытывал мое благоразумие. Хорошо, выслушаем хозяина.

— Чтобы улучшить работу службы, набирайте профессионалов, — посоветовал я. — Вот в нашей гильдии, например, работают исключительно профессионалы.

— Знаю, — кивнул Кору, постукивая очками по ладони. — Так вот, лет пять назад в нашей службе появился человек, который с пониманием подошел к подбору кадров. — Он скромно потупил взгляд так, чтобы и дураку стало понятно, кого имеют в виду. — А вот мой начальник, пусть меня простят пятнадцать спутников, редкостный идиот. Я надеюсь, это откровение останется между нами?

На круглом лице сияла доброжелательная улыбка людоеда, раздувающего огонь под котлом с жертвой.

— Так вот... — Нарим откинулся на спинку кресла. — Пришлось предпринять кое-какие меры, чтобы взять ситуацию под контроль. У начальника наметились проблемы с животом, и доктор по моей просьбе прописал ему целебный отвар из остролиста ароматного. Купцы вашей гильдии должны знать, насколько это растение полезно. В определенных случаях.

Мы поиграли в гляделки. Кору здорово рисковал, распуская язык в разговоре с незнакомцем. Или нет? Он уверен, что я никому не открою его небольшой секрет? Просто великолепно! Дело в том, что человек, которого пичкают отваром остролиста, ощущает постоянную слабость и сонливость. А через год умирает во сне.

— Так вот, с тех пор как я вплотную занялся делами, состав агентов несколько изменился. Вот убейте меня, но я точно

знаю, что хорошим оперативником может быть только человек, которого учила улица. Пусть вор, убийца или грабитель, но только достигший результатов в своем ремесле. Возьмем моих мальчиков. — Кору хрустнул пальцами. — Один из них прикончил мелкого князька, который надумал трахнуть его женушку и в процессе слегка придушил несчастную. Представьте, засранец забрался на огромную люстру и сидел там, пока охрана не покинула помещение. А после спустился и вбил кол в задний проход обидчику. Рассказывают, дворянчик вопил так, словно уже попал в преисподнюю. К несчастью, мальчуган увлекся и не заметил, как подоспела охрана. Посему пришлось вытаскивать мстителя из камеры смертников и делать ему документы на другое имя.

— А второй мальчуган? — поинтересовался я скорее для поддержания разговора.

— Второй задолжал крупную сумму одному очень жадному ростовщику и не заметил, как успели нарасти проценты. Жадина-идиш попробовал пристыдить нерадивого должника, но тот продолжал упорствовать и сломал благодетелю обе руки и несколько ребер. В общем, приказ о поимке негодяя тому пришлось отдавать с больничной койки, — Кору причмокнул, словно вспоминал нечто весьма приятное. — Но это ерунда. Забавно другое: семь месяцев целая армия ищеек перерывала столицу, но так и не сумела отыскать мерзавца. А искали люди, которые знают наш крохотный городок до самой последней клоаки. Однако как зайцу ни петлять... В общем, во время крупной полицейской облавы забрали и беглеца, и его преследователей. Протокол допроса случайно попал мне на глаза и, надо сказать, весьма заинтересовал.

Кору потер пальцем висок, точно пытался вспомнить, к чему он это все рассказывает. Я продолжал скромно помалкивать, ожидая, когда поступит долгожданное предложение. Но разговор вновь зашел о другом. Ну, как о другом...

— Так вот, — сказал Нарим, постукивая ладонью по бумагам, которые лежали на столе, — именно набранные мной профессионалы сумели составить подробное досье на большую часть неблагонадежных и попросту вредных для Фернимара людей. В частности, на наемных убийц-ассасинов, а это оказалось весьма непросто. Вот, скажем, — Кору поднял один листок и потряс им в воздухе, — весьма колоритная фигура.

Честно говоря, я был немало обескуражен, когда узнал определенные подробности его происхождения. Трудно быть третьим ребенком в семье?

Нарим пристально посмотрел на меня, а я с трудом удержался, чтобы не заскрежетать зубами.

— Трудно. Знаю. Итак, невзирая на происхождение, интересующая нас личность... Назовем его купцом Чардарской гильдии, не возражаете? Так вот, он весьма неплохо овладел навыками профессии и преуспел... если бы не кризис семи лет. Да? — Нарим печально покачал головой. — А ведь еще немного, и можно было бы идти на покой. Но не срослось, деньги сгорели, и все пришлось начинать заново. А было купцу уже не восемнадцать, как в начале карьеры, а целых тридцать четыре годика. Но шансы вернуть утраченное еще оставались. Да и то, если ассасин дожил до сорока — это уже о многом говорит, я знаю. Мало того, — тут Нарим даже руками всплеснул, — за двадцать два года своей деятельности купец лишь единственный раз угодил в тюрьму! Повод, правда...

Толстячок укоризненно покачал головой, словно осуждал причину попадания за решетку. Однако в глазах рассказчика плескалось веселье.

— Это же надо! Кража курицы у поселянина. Причем вор был застигнут на месте преступления и не оказал никакого сопротивления. Десять дней отсидки, плюс пять ударов палкой по сидалищному месту — как унижительно!

Кору оторвался от листка, так веселившего его, и взял другой. Что-то сравнил. Если не ошибаюсь — даты, проставленные в верхних углах документов.

— Так вот какая интересная штука получается. Станным образом эта десятидневная отсидка совпала с комплексом розыскных мероприятий по задержанию убийцы светлейшего князя Альдара Небесного. Полицейские, егеря и гвардейцы рыли носом землю, но убийца скрылся, точно ему покровительствовали сами пятнадцать спутников. Ни единой зацепки. Через неделю поиски пришлось свернуть, потому как стало понятно: дальше искать бесполезно. Ну а еще через пару дней наш незадачливый воришка вышел, получив заслуженные удары по нечестивой заднице. Интересная история?

Я только угрюмо ухмыльнулся. В памяти еще остался чертов непрекращающийся дождь и проклятая раскисшая дорога,

где вязли сапоги. Из тумана доносились резкие возгласы и всхрапывание приближающихся лошадей. Ближайший лесок, где я попытался укрыться, оказался занят галдящими егерями в серо-зеленых плащах, а тракт перекрывали полицейские патрули. Лечь в придорожную канаву? К счастью, я успел заметить, как ловчие проверяют каждый подозрительный бугорок, тыча длинными пиками и не жалея стрел на недоступные места.

Отчаяние дурманило голову, мешало сосредоточиться, чтобы найти путь к спасению. Черт, пятнадцать спутников оставили убийцу, который пожадничал, польстившись на слишком крупный кус. Приходилось пожинать плоды собственной глупости и жадности.

Внезапно в тумане появились какие-то покосившиеся приземистые здания, и я услышал тихое хрюканье и кудахтанье. Вот оно! В голове тотчас созрел план. Интересно, сколько в этой глухомани дают за кражу живности? Голову точно не отрубят. Я выживу! Меня не возьмут!

Ощущая, как на замерзших губах деревенеет дурацкая ухмылка, я побрел в сторону деревушки.

Все остальное — достояние истории. Однако жирный шериф с колышущимся веером подбородков и неистребимым ароматом лукового самогона никак не мог понять, почему я так блаженно улыбаюсь, сидя на прогнивших нарах.

Вспоминать всю эту гадость, откровенно говоря, не очень-то и хотелось, но бумаги Нарима так или иначе приводили мысли к очередному дождливому дню или ночи с очередной мерзопакостной ситуацией, из которой я выползал, благодаря святую Троицу или пятнадцать спутников за их помощь несчастному дураку.

Кору Нарим аккуратно сложил все документы, посвященные моей скромной персоне. Потом спрятал их в папку и завязал кожаную тесьму. Снял с носа очки и положил на стол. Судя по всему, в них он не особо и нуждался. Ну что же, мы наконец добрались до серьезного разговора. Мне так казалось.

— Так вот, — сказал Кору. — Мы имеем дохлого сына барона Хаммерштанцеля, пусть дерьмо ему станет пухом, имеем разъяренного барона... Кстати, папаша пообещал заживо снять шкуру с убийцы отпрыска. Понятное дело, тупой боров не имеет ни малейшего понятия ни о «бревне», ни о «бочке»,

но шкуру снять способен. Что еще? — Нарим хлопнул себя по лбу. — Еще мы имеем того самого убийцу, который отправил юного отпрыска в столь дерьмовое плавание. По фернимарским законам негодяй обязан быть обезглавлен, однако же мы можем пойти навстречу секретарю августейшей особы и передать убийцу ему.

Нарим побарабанил пальцами по столу, словно пребывал в нерешительности: отдать ли меня королевскому палачу или же палачу барона Хрен-запомнишь-как-зовут. Так и не решив этой дилеммы, Кору посмотрел на меня. Видимо, ждал, что я дам ему какой-нибудь намек. С моей стороны было бы наилучшим выходом понять и простить.

Так и не дождавшись подсказки, Кору сказал:

— Так вот. У меня имеется предложение. — На его физиономии появилось загадочное выражение сродни тому, с каким враг человеческий навещал своих братьев или же предлагал какому-нибудь крестьянину завести четвертого ребенка.

Я терпеливо ожидал. Сейчас на стол должен был лечь стандартный контракт приема в Фернимарскую секретную службу. Естественно, я немного поломаюсь. А после подпишу, куда деваться?

И вновь я ошибся. Если подумать, то слишком много ошибок за одну беседу. Ну, коли монолог Кору можно считать беседой.

Нарим достал мои карты, развернул на столе и долго изучал. Потом принялся водить маленьким пальчиком. Судя по всему, отмечал границы государств, обозначенные на чертеже тонким пунктиром. Эти карты были моей гордостью. Их я приобрел у рисовальщиков Гуннланда, а те, как всякие гунны, славились своей основательностью и точностью. Очевидно, качество оценил и Кору, который провел ладонью по бумаге так, словно ласкал любимую женщину.

— Шестнадцать лет назад, — сказал толстячок, поджимая пухлые губы, — у Чампиурза, короля нашего, народилась первая дочка. Согласно давнему договору между союзными Фернимаром и Шаром был заключен брачный контракт. Дочь, Вайолетту, заочно обручили с принцем Шара Сануром. Мальчишке на ту пору исполнилось два года. По достижении совершеннолетия Вайолетта должна была выйти замуж за женишка,

и это сплотило бы оба государства, фактически объединив в единое целое после смерти Чампиурза.

Я прикинул по памяти. М-да, объединить в целое две территории, которые находятся черт знает на каком расстоянии друг от друга, да еще и через хреново количество других стран? Забавно мыши плодятся. А подчинение Фернимара несравненно меньшему Шару вообще выглядело чем-то нелепым. Ну да это не мое дело. К тому же если я не ошибаюсь, то именно Чампиурзу принадлежала замечательная фраза: «После моей смерти мою жену может трахать даже золотарь».

— Однако по прошествии шестнадцати лет международная обстановка несколько изменилась, — продолжал Кору. По всему было видно, что проблемы правителей его волнуют очень сильно. — Шар попал под влияние гроссмейстерства, фактически став сателлитом Гуннланда. Говорят, король Шара даже пикнуть не смеет без разрешения Цанга. В свете этого союз между Вайолеттой и Сануром, несомненно, приведет к подчинению Фернимара Гуннланду. И, по всей вероятности, скорой смерти Чампиурза. Возможно, даже в день бракосочетания. Как известно, гроссмейстер Цанг не из тех людей, которые готовы ждать. Посему наш правитель решил в одностороннем порядке разорвать соглашение и заключить новое, с королем Дувина, нашим теперешним союзником.

Чем больше он рассказывал, тем больше я путался в перипетиях международных хитростей. Кроме того, попытки понять, на хрена мне это рассказывают, вызывали приступы головной боли. Хотелось просто прикрыть глаза и подремать под мерное журчание речи Кору.

— Но во всем этом имеется один нюанс, юридическая заковыка, которую не в силах обойти даже король, — Нарим развел руками. — Поскольку контракт разорван лишь с одной стороны, он не считается полностью аннулированным. Стало быть, если принц Шара таки женится на Вайолетте, все пункты договора вступят в полную силу. А если Чампиурз откажется, то правитель Шара вправе обратиться в международный арбитраж. После этого останется либо выплачивать непосильную компенсацию, либо начинать войну. Остается один приемлемый выход: выдать Вайолетту замуж за дувинского принца до того, как ее заграбастают агенты Гуннланда.

— Так, черт возьми, отдайте ее замуж, и дело с концом, — не выдержал я. — Тем более что у девчонки, скорее всего, уже чешется в одном месте.

— Нехорошо так говорить об особах королевской крови. — Кору погрозил мне пальцем и лукаво усмехнулся. — Но правда — чешется, и очень сильно. Только со свадьбой очередная закавыка. По законам Дувина бракосочетание должно происходить лишь на территории самого Дувина. Выходит, девку надо везти через два государства, сотрудничающих с гроссмейстерством и наполненных шпионами гуннов, точно матрац бедняка клопами. Едва ли правители Ольета и Коронаста допустят проезд по своей территории крупного вооруженного отряда, а иначе обеспечить безопасность принцессы просто невозможно.

— Короче, вы по уши в дерьме, — резюмировал я и, не удержавшись, зевнул. — Вот только я никак не могу понять: мне-то это на кой? Все эти ваши свадьбы, гунны и прочие принцы Дувина?

— Через два дня кортеж принцессы Вайолетты отправляется в путь, — очень тихо сказал Кору и прямо посмотрел мне в глаза. — Однако самой принцессы там не будет. Лучшие маги Фернимара создали муляж девушки, почти неотличимый от оригинала, и этот фантом поедет в карете. Срок выезда и маршрут удерживаются в полном секрете, однако я предполагаю, что данная информация уже стала известна гроссмейстеру Цангу. Мы поймали и казнили некоторых шпионов, поэтому никто не заподозрит подвоха. — Взгляд Нарима стал колющим. — А вот теперь по-настоящему секретные сведения. Об этом знают лишь пять человек во всем Фернимаре. И если ты откажешься от моего предложения, то живым отсюда не выйдешь, ясно? Даже не надейся на свои ассасинские штучки и отсутствие моих мальчиков, тебе это не поможет.

— Может, я ничего и не хочу знать, — неуверенно сказал я, понимая, что выбора у меня не остается. — Просто отпусти меня на все четыре стороны, а?

— Только к барону Хаммерштанцелю, — жестко отрезал Кору. — Лучше соглашайся на мое предложение. Послезавтра принцесса Вайолетта, настоящая принцесса, рано утром покинет столицу Фернимара. Сопровождать ее будут лишь два человека. Один — ее личный телохранитель, а второй...